

18+

ВЕРТ **О** **ЛЕТ**

Д **О**

АКАПУЛЬКО

ВИКТОР УЛИН

ПОСЛЕДНИЙ

Виктор Улин

Вертолет до Акапулько.

Последний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69711016

ISBN 9785006059924

Аннотация

Герой – мужчина, приближающийся к возрасту зрелости, достаточно усталый и не очень счастливый – случайно находит в газете предложение о небольшом приработке. Заведение, куда он приходит, оказывается фото-видеостудией, производящей контент, выходящий за границы общепринятой морали. Радикальное вызывает жгучий интерес. Ситуация обостряется тем, что между ним и фотографом вдруг возникает нечто, совершенно не ожидавшееся в начале.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	6
3	13
4	20
5	24
6	27
Глава вторая	29
1	29
2	31
3	40
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вертолет до Акапулько Последний

Виктор Улин

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5992-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«От терпения опытность, от опытности надежда.»

(Рим. 5:4)

Глава первая

1

– И это называется – «раздеться»? – с усмешкой сказала женщина.

– Ну да... а что? – я смутился, не ожидав такого вопроса. Она усмехнулась еще раз, ничего не ответила, лишь разглядывала меня, потом обошла кругом.

Я стоял, как столб, и уже не понимал, зачем сюда пришел.

2

Рекламную газету мне сунули в почтовый ящик вместе с коммунальными счетами.

С работы я возвращался, как сомнамбула: автоматически ее прихватил, дома кинул на диван в гостиной, обнаружил после ужина, когда присел к столу, чтобы разобраться с платежами.

Бумажная пресса агонизировала; объявления типа «*куплю-продам*», «*сдам-сниму*», «*ищу-предлагаю*» переключались в Интернет.

Сложенный вдвое лист, напечатанный ядовитым растром, напомнил начало «*нулевых*» – время, когда мне было чуть больше двадцати и жизнь обещала приятные цвета.

Я не любил отдавать деньги. Я заболел, когда приходилось платить не за отпускной круиз, не за абсент, тушку кальмара, новые джинсы или хотя бы галстук – а за коммунальные услуги, то есть по сути ни за что.

Захотелось оттянуть момент, после которого настроение будет испорчено.

Не найдя ничего лучшего, я развернул газетку.

На первой странице предлагалась какая-то чудодейственная дрянь для пенсионеров. В середине шел подбор краеведческой чепухи, разбавленный пафосной статейкой о местной хоккейной команде. На четвертой пестрел раздел «*разное*».

Здесь всплыло дежавю: кто-то упорно пытался продать «БМВ» и «Ауди» конца восьмидесятых, хотя сейчас их не брали даже на авторазбор.

За каких-то полминуты дешевая краска въелась в мои пальцы. Я уже хотел смять дрянную бумажонку, как взгляд уткнулся в последнее объявление.

Оно звучало лаконично:

«Требуется мужчина с хорошими внешними данными для съемок в качестве фотомодели при демонстрации современной моды.»

Названия дома мод не имелось, были указан лишь мобильный номер да имя контактного лица – Нателла; гарантировалась почасовая оплата наличными.

В конце зимы я сменил работу – точнее, нашел новую после того, как фирма, где я возглавлял отдел ИТ, неожиданно обанкротилась. Как всегда в переходный период, наступил денежный провал.

Я был готов на любые приработки; стал бы даже таксовать, если бы мой двухлитровый «Дэу Магнус» – более известный как «Шевроле Этика» – не расходовал слишком много бензина.

Но не только побочные деньги побудили выудить красный маркер и отчеркнуть телефон.

Мне, одинокому и неженатому, было тридцать девять лет.

В жизни я перепробовал практически все, кроме кид-нэппинга и наркотиков. По-настоящему меня уже ничего не привлекало и не волновало, все надоело до чертиков; не виделось перспектив эмоционального обновления.

По словам женщин, я был высок, строен и красив.

Никогда не пробованная роль манекенщика могла принести неожиданную остроту в нынешнее вялотекущее болото.

Прямо сейчас я звонить не стал, решил дождаться более благостного состояния.

Я немного выпил кальвадоса, купленного по случаю и застоявшегося в холодильнике.

Затем просмотрел счета и убедился, что все не так плохо, как могло быть.

Потом выпил еще, но к телефону не потянулся.

По своему опыту я знал, что вечер не всегда бывает лучшим временем суток; у неизвестной Нателлы могли сгуститься проблемы.

Позвонил я на следующий день, в обед.

У местных татар встречались несурзные имена; я знал мужчину по имени Фердинанд и женщину Флиду. Изначально я подумал, что Нателла из того же разряда.

Голос, который ответил – низкий, суховатый, но не неприветливый – не имел характерного акцента. Видимо, подательница объявления была армянкой.

Иметь дело мне предстояло не с домом мод, а с фотосту-

дией.

Газета лежала в моем ящике несколько дней, да и печаталась не за минуту. Но модели требовались до сих пор.

Нателла назначила время на ближайшую субботу и прислала СМС с адресом.

Там значилась квартира в жилом доме, но подвоха я не почувствовал.

Сейчас все цоколи по городу были заняты офисами, студия могла состоять из одной комнаты.

Дом был старой «хрущевкой» из плит, облицованных галькой.

Взглянув на таблички и прикинув номера квартир, я понял, что нужная находится на пятом этаже.

Это уже слегка удивило.

Я приехал раньше назначенного.

Будучи деловым человеком, я знал, что в реальном бизнесе «раньше» может оказаться хуже, чем «позже». Поэтому я вернулся в машину и сидел, барабаня пальцами по искусственной карельской березе, которой был отделан тоннель.

За три минуты до часа «Ч» я выбрался из-за руля.

Красный фонарик, вспыхнувший на открытой дверце, предупредил, как светофор.

Возможно, следовало одуматься, не бросаться в непонятную авантюру.

Но я не привык отступать.

Мигнули габаритные огни, машина согласилась подо-

ждать.

Лифта тут не имелось, подниматься пришлось по выщербленной лестнице. Правда, не было и мусоропровода, что избавляло от вони.

На полпути мне пришлось постоять на заплеванной площадке, чтобы разминуться со встречными.

Откуда-то сверху спускалась пара – благообразный старик с изжелта-седыми волосами и скромно одетая школьница.

Когда, весело переговариваясь, они прошли мимо, я почувствовал аромат дорогого геля для душа. Видимо, бабка приказала старому пню как следует умаститесь, возвращая внучку родителям.

Студия притулилась около железной лестницы на чердак.

Едва открылась тяжелая бронированная дверь с внутренним видеодомофоном вместо глазка, как в лицо мне дохнуло тем же гелем.

Жители этого дома – с виду обычной помойки – были помешаны на чистоте, причем денег не жалели.

Нателла оказалась довольно приятной, невысокой черноглазой и темноволосой женщиной чуть моложе меня.

Короткая стрижка, просторная рубашка в красно-черную клетку и тугие синие джинсы говорили о крепком характере.

На ее шее не висело камеры, но быстрому оценивающему взгляду я понял, что она и есть фотограф, который собирается меня снимать.

Впустив, Нателла попросила показать паспорт.

Я не удивился, протянул темно-коричневую книжечку. Паспорта сейчас требовали на каждом шагу, и вряд ли в темноватой передней на меня могли сразу навесить кредит.

С паспортом все казалось в порядке, Нателла провела вглубь.

Квартира была стандартной двухкомнатной.

Дверь напротив входной оставалась приоткрыта, оттуда доносилось разноголосое натужное гудение нескольких компьютеров, шлепались невидимые сообщения.

Сама студия располагалась во второй, большой комнате.

Казалось, я попал в какую-то иную реальность.

Окно с балконом было наглухо зашторено, у стены поблескивала лестница с рулонами узорчатой бумаги невероятной ширины. Нижний, затоптанный у края, был развернут и расстелен.

Кругом теснились стулья, столики, креслица. В одном углу притулился кокетливый диванчик, в другом раскинулась широкая кровать.

На полу лежали кабели; на треногах возвышались потухшие лампы, от них еще шел жар.

Отдельно стоял штатив, на котором чернело нечто среднее между большим фотоаппаратом и компактной видеокамерой.

Стойки с одеждой, которую я ожидал увидеть, не было; торчала лишь пустая вешалка рядом с зеркалом на шарнире.

Я не успел ничего спросить – женщина велела раздеться

и ушла.

Играть приходилось по здешним правилам.

Вероятно, одежда хранилась во второй комнате. Нателла должна была оценить мое сложение, чтобы принести нужную.

Я расстегнулся, повесил на плечики костюм и рубашку, остался в одних трусах.

Когда я крикнул, что готов, вошла хозяйка студии и ого-рошила вопросом.

3

– Я же вам ясно сказала – раз-деть-ся.

Голос звучал спокойно, если не сказать равнодушно.

Вероятно, она имела дело со множеством подобных мне.

Но я, в самом деле, ничего не понимал.

Даже если из «*современной моды*» предстояло демонстрировать только трусы, оставалось неясным, зачем для этого раздеваться догола.

– А я разве не разделся? – возразил я.

– А это что? – без всякого стеснения она повела головой в мою сторону.

– Но Нателла говорила, что мне придется рекламировать коллекцию модной одежды... Или вы не Нателла? и я разговаривал не с вами?

Мне пришло в голову, что эта женщина все-таки не фотограф, а ассистентка, которой захотелось покуражиться разнообразно обстоятельствам.

– Я Нателла, – подтвердила она. – И вы разговаривали со мной. Насчет одежды – объясню потом, если понадобится. А сейчас снимите, пожалуйста, трусы.

– Но скажите – зачем?

Я продолжал упорствовать.

Я так и не понял, что от меня требуется, но решил, что стоит сразу все прояснить.

– Вас ведь Владислав зовут? —спросила Нателла вместо ответа. – Или я ошиблась?

– Ошиблись, но не до конца, – ответил я. – На пятьдесят процентов. Я – Владимир.

– Извините, больше не ошибусь. Так вот, слушайте, Владимир.

– Слушаю.

– В объявлении было написано про мужчину с хорошими внешними данными, так?

– Так.

– Ваши данные хорошие. Но рекламировать вы будете не костюмы – на это желающих хоть отбавляй. Меня, будем говорить прямо, интересует та часть тела, которую вы так упорно прячете.

Слова были неожиданными.

С другой стороны, они кое-что проясняли.

– Но зачем она вам? Для чего вы меня пригласили?

Нателла молчала, смотрела изучающее.

– Я вроде шел на подиум, а куда попал? Куда вы набираете исполнителей? В публичный дом?

– Не совсем. То есть совсем нет. То есть, можно сказать, в публичный дом, но виртуального порядка.

– Это как?..

– Ладно, Владимир, пора назвать вещи своими именами. Я собираюсь фотографировать вас не для модного дома, а для порнографического журнала.

Кажется, все выяснилось до конца, хоть подобного и не ожидалось вначале.

Я покачал головой.

Еще утром, бреясь перед зеркалом, я представить не мог, что еду в полуподпольную контору, где меня будут фотографировать для женского журнальчика.

Как всякий нормальный мужчина, в подростковом возрасте я жадно пил чашу порнографии.

Но – как еще раз нормальный – с вступлением в мужскую жизнь отверг прежние пристрастия, даже вспоминать про них было стыдно.

– Сами понимаете, Владимир, озвучивать такое предложение в нашем анальном городе, мусульманской столице России, невозможно. Приходится приманивать на огонек по-другому.

– И вы меня приманили, – констатировал я.

При всей неожиданности ситуации, мне стало смешно.

– Ну типа того, – Нателла усмехнулась. – Но, конечно, если вас это шокирует, пожмем друг другу руки и разойдемся навсегда.

Я опять помолчал.

Здравый смысл и статус солидного человека велели ехать прочь.

Но обыденность жизни говорила, что отказываться глупо.

В конце концов, меня не принуждали ни к чему, кроме откровенных фотографий.

– А почему бы не попробовать? – наконец заговорил я. – Ведь, как вы изволили выразиться, от меня ничего не убудет.

– Не убудет, не убудет. Снимайте вашего Кельвина Кляйна. Вряд ли увижу что-то новое. И уж точно вам ничего не оторву.

– Не оторвете? – переспросил я, подстраиваясь под ее шуточный тон.

– Нет. Давайте сразу выложим на стол все пять тузов.

– Давайте.

– Я всего лишь фотограф, работаю на несколько порножурналов...

– Каких? – невольно перебил я.

– Неважно.

Нателла вздохнула.

– Если точнее, когда-то сотрудничала с одним крупным российским порнохолдингом. Был такой – «Господа Икс». Держал несколько серий: «Мисс Икс», «Мистер Икс», «Он и она». Выходили даже «Голубая лагуна» и «Розовая пантера». Все смысла мутная волна целомудрия. Больше здесь никогда не будет порнографии.

– Никогда?

– Никогда. Кто попытается возродить, тому оторвут голову. Зато собаки всегда будут гадить на улицах, хозяева не будут убирать говно, но их никто не будет штрафовать. «Это – Россия, детка» – как сказал бы какой-нибудь американец.

Нарисованная картина не отличалась от моей точки зре-

ния.

– К счастью, успела наладить связи. Удалось переключиться напрямую на Запад, где не грозят местные законы. Также скажу...

– Понятно.

Я опять перебил, неизвестно зачем.

– Подождите, не договорила. Скажу, что как женщина я вам не страшна.

– А почему вы должны быть мне страшны? – уточнил я.

– Так, предупредила на всякий случай.

У этой Нателлы все шло по непериодической синусоиде: она то откровенничала, то уклонялась от ответа.

– Между нами возникнут чисто деловые отношения. Как мужчина вы для меня просто модель.

– Просто модель, – повторил я.

– Женщин-соло, кстати, тоже не фотографирую. Этим занимается Каша...

– Каша?!

– Ну да. Аркадий, мой партнер, мы с ним на пару владеем этой студией.

Она обвела рукой вокруг себя.

– Каша н работает с женщинами.

– А разве у фотографа и модели могут что-то значить гендерные предпочтения?

– Могут, и еще как.

– А как именно вы будете... достигать меня до верши-

ны? – уточнил я, стоя истуканом.

– Дельный вопрос! – Нателла кивнула. – Тоже надо прояснить. Судя по паспорту, вы не женаты. Но, быть может, у вас есть близкая женщина, которая может застукать ваши визиты сюда, потом ревновать?

– Женщин у меня вагон, – честно признался я, как если бы разговаривал с женщиной. – Но ни одну не допускаю к себе до такой степени, чтобы она следила, кому звоню и куда еду. Меня волнует другое.

– Слушаю.

Похоже, наш разговор и в самом деле поднялся на деловые высоты.

Во всяком случае, мне было легко, даром что я был в одних трусах.

Дома у меня стоял такой холод, что я ходил в свитере. Здесь было тепло, как летом.

– Где появятся эти фотографии? Только в журналах или в инете тоже? где могут появиться журналы, как открыт доступ к сайту? Я, конечно, не патриарх всея Руси, но и не охранник из «*Полушки*», на работе не последняя должность, и...

– Понимаю-понимаю, Владимир. С этого стоило начать. Крупные планы, я полагаю, вас не волнуют. На вашем теле нет особых признаков, узнать вас может только очень близкий человек. Но жены у вас нет, а на работе вы вряд ли мажете членом перед сослуживцами.

– Не машу.

– Тогда это не страшно. А если в кадре будете с лицом, мы вас замаскируем.

– Каким образом?

Мне стало интересно.

Все-таки любая новая сфера что-то привносила в жизнь.

– Можете работать в маске.

– В какой?

– Вариантов много. Есть дурацкие: Микки-Маус, барон Мюнхаузен, еще всякая дрянь. В них тяжело. Есть эластичные, вроде спецназовских шапок с дырками для глаз.

– И я буду как зомби?

– Типа того. А можно уже на фото поставить виртуальную маску – размыть лицо специальной областью. Но это ухудшает восприятие кадра. Лучше всего наклеить усы а-ля Кларк Гейбл. И лицо сохранится, и родная мать не узнает.

– Пожалуй, вот это оптимально, – согласился я. – Усы кого угодно сделают неузнаваемым.

– Подберем. Позже, когда дело дойдет до серьезной сессии, – сказала Нателла. – А сейчас раздевайтесь наконец, я на вас посмотрю.

Она отошла, опустила на стул, закинула ногу на ногу.

В позе сквозил глубокий, бесчувственный профессионализм.

4

– Что ж, собеседование прошло на ура, – констатировала Нателла. – У вас прекрасная статья, вы универсал.

Снять трусы и показать себя оказалось проще, чем я думал.

Сейчас мы сидели у колесного столика: Нателла в джинсах и рубашке, я голый, как король – и пили кофе, который она прикатила из кухни.

Чашки тут были тонкие, с аккуратными ручками, а кофе оказался очень хорошим.

– Будем работать, Владимир, – сказала она, сделав глоток и держа блюдце на весу.

– Будем, – подтвердил я, тоже немного отпив.

– Ну если так, давайте на «ты» и просто Володя?

– Давайте, Нателла.

– И не Нателла, а просто Ната, окей?

– А вот это – нет! – возразил я. – Ваше имя нравится в полном варианте, хоть и не пойму, чье оно.

Я не стал говорить, что однажды в моей жизни случилась Наташа, которую я называл Натой.

Она высосала столько крови, что не хотелось вспоминать.

Я еле ускользнул из-под венца, спасся в самый последний момент.

Именно после этой «Наты из ваты» я постановил ни

с кем всерьез не сближаться.

– Греческое. Папа был греком, мама русская.

– Откуда вы взялись в нашем башкирнике? – спросил я.

От эпитета «*мерзопоганый*», привычного в аттестации родного города, я все-таки удержался.

Тут были нередки смешанные браки. На чеках супермаркета то и дело приходилось читать нечто вроде «*кассир Иванова Лариса Акбердовна*».

Муж Нателлы мог оказаться башкирином, а я не хотел ее оскорблять.

– Ума не приложу, – она легко рассмеялась. – Ладно, Володя, если нравится, называйте меня по полному. А если хотите – Эллой, это короче. Так тоже иногда звали.

– «Элла» – самое то!

Я обрадовался.

Такое усечение имени полностью отрывало хозяйку студии от той чертовой Наташи.

– Так вот, Элла, – заговорил я дальше. – Никогда бы не подумал, что соберусь сниматься для порножурналов. Если кто-то узнает – не поймут. Хотя близких друзей у меня нет, узнавать некому.

– Наши соотечественники – на девяносто процентов дебилы и ханжи. Даже тот, кто понимает суть, прикидывается страусом. А между тем, порнография есть важнейшее из искусств.

– Важнейшее? – переспросил я, усмехнувшись. – Ильич

от таких слов перевернется в хрустальном гробу.

– Важнейшее и нужнейшее.

– Даже так?

– А вы как думали?

Нателла отставила чашку.

– То есть – извините – а ты как думал?

– Если честно, не думал никак, – признался я. – Ты правильно сказала – «*страус*». Смотрят все, не признается никто.

– Так вот.

Она подняла палец.

– Качественная порнография дает полноту жизни всем, кому реальное недоступно. Подростку, которому запрещен секс. Супругам, которые прожили тридцать лет, но не желают ходить на сторону. Старику, который еще хочет, но уже не может. Инвалиду, прикованному к постели. Полярнику в Антарктиде. Космонавту в железной бочке, закинутой на орбиту...

Я покачал головой.

Такие глобальные мысли не посещали меня никогда.

– ...И так далее. Порноактеров никто не рассматривает всерьез, но Джианна Михаэлс принесла людям неизмеримо больше пользы, чем какая-нибудь Любовь Орлова.

– Смелые слова, Элла, – сказал я. – Но патриотисты свернут за них голову. Да и вообще, считается, что порнография – это стыд, позор и удел моральных уродов.

– Моральные уроды те, кто это говорит. А мы...

В кармане джинсов у Нателлы заверещал телефон.

– Извини, Володя, вынуждена отвлечься.

Она встала, вышла из комнаты, затворила за собой.

Я сидел на месте, допивал кофе, и чувствовал, что жизнь поворачивается неожиданным боком.

– Очередной кандидат? – поинтересовался я, когда Нателла вернулась.

– Кандидатка.

Я вспомнил, как она сказала, что женщин фотографирует Каша, но ничего не стал выяснять.

В незнакомом мире каждую минуту возникали новые загадки – и это, кажется, радовало.

– Володя, нас прервали, а я хотела сказать, что ты можешь заниматься очень важным, очень полезным делом. Сам того не зная, будешь помогать многим людям.

– Постараюсь.

– Порнография несет все живое, что есть в жизни.

– Элла, вы... то есть ты просто сыплешь афоризмами!

– Но все еще на свободе, – подхватила она. – Ну, значит, так. У меня есть время перед следующей моделью. Сделаем оценочную фотосессию?

– Оценочную?

– Ну да. О лице не будем беспокоиться, это для внутреннего пользования. Пофотографирую так и сяк, чтоб понять, насколько ты фотогеничен как порномодель.

– В голом виде? – уточнил я, хотя все было ясно.

– Нет, в водолазном скафандре.

Нателла поднялась, откатила столик к стене, куда-то на-

гнулась, чем-то шелкнула.

С легким треском вспыхнули лампы.

Мне показалось, что белый свет хлынул из стен, пронизал воздух, поднял пол к потолку.

– Становись! – скомандовала она.

– Куда? – спросил я.

– Туда! – Нателла махнула рукой. – Встань на бумагу, только осторожно, валик держится на честном слове, может размотаться.

Я вступил в жаркое сияние.

– Давай...

Что именно давать, я не расслышал, не только ослепнув, но и оглохнув от сияния.

Я чувствовал себя летчиком, попавшим в лучи вражеских прожекторов и полностью парализованным.

– ...А теперь...

Слова еле пробивались сквозь плотную белую толщу.

– Что – «теперь»??!?!

Я гаркнул во всю силу легких, хотя Нателла наверняка слышала нормально.

– Повернись! – раздался столь же громкий ответ.

Вероятно, подобное случалось с каждым, кто впервые попадал под студийные лампы; она знала, что делать.

– Как?! – крикнул я.

Лампы нехотя погасли, вернулась действительность.

У Нателлы на груди висел фотоаппарат с огромным объ-

ективом; я даже не заметил, откуда он взялся.

– Элла, я потерял ориентацию, – посетовал я.

– Привыкнешь, Володя, со временем, не все сразу, – успокоила она. – Ладно, свет убавлю, буду снимать со вспышкой.

Я перевел дух.

– Не думай ни о чем, расслабься и сконцентрируйся на себе. Не обращай внимания на фотоаппарат. И обо мне забудь, меня тут нет.

6

Региональная трасса *P-240* тихо шипела под колесами.

На обочинах еще серел снег, но асфальт, посыпанный какой-то дрянью, был чистым.

У меня имелась привычка выезжать из города и колесить по округе, когда в жизни происходило нечто, требующее переосмысления.

Выйдя от Нателлы, я отправился в такую поездку.

Равновесия не пришло, домой я возвращался в неустойчивом состоянии.

Наш город распластался на горах; его ограничивала река, текущая с севера на восток.

Перед самым мостом меня подрезала черная «*Соната*» в древнем, тусклом и помятом кузове.

Водитель – невидимый на просвет сквозь насмерть тонированное стекло – высунул в окно руку с поднятым пальцем.

Я не выругался, не обозвал сонатчика ни «*деревенской мордой*», ни хотя бы «*обезьяньей задницей*»; я пребывал где-то очень далеко.

На ближней горе, справа от моста, торчал обелиск.

Сооружение, называемое «*Монументом согласия*», было воздвигнуто еще при советское власти.

Оно символизировало воссоединение местных народов, якобы происшедшее в тьмутараканские времена.

Сейчас фаллический символ нагнал странные мысли.

Глава вторая

1

– Слушай, Вова, я хочу покурить!

Ирина заправила в бюстгальтер уже вытащенную было грудь, опустила джемпер, одернула юбку.

– Покури, Ира, покури, – разрешил я, с сожалением отпустив ее горячие ягодицы. – Пять минут ничего не решат.

– О чем и говорю. *«Пять минут, пять минут»*...

Она пошарила в сумке, лежавшей на тумбочке, что-то достала.

– ...Минута туда, минута обратно. И там пять от силы. Только я тебя запру снаружи, хорошо? А то ходят всякие. Явится ко мне кто-нибудь из наших, потом не выгонишь...

– Хорошо.

Действительно, какие-то минуты ничего не стоили; мутное течение жизни их не замечало.

– Я бы пока принял душ, да не взял полотенце, – посетовал я. – Умен, как татарин после обеда.

– Вова, не сходи с ума, – ответила Ирина. – Если мы собираемся трахаться, нам ли делиться полотенцами? Возьми там мое, с красными полосками.

В чувственном мраке прошуршали шаги, на секунду от-

крылась дверь, полосой пробежал коридорный свет, донеслись голоса.

Потом проскрежетал замок и все стихло.

2

Я поднялся.

Кровать закрипела; на своем веку она видала многое.

Санузел был простеньким, но чистым, Иренино полотенце казалось совсем свежим.

Вода ласкала. В нашем городе из кранов текла совсем другая.

Зеркало запотевало медленно; я мылся и разглядывал себя.

Неожиданно вспомнилась порностудия.

Я уже затруднялся подсчитать, как давно все случилось.

Нателла легко склонила меня к пробам, но едва погасли лампы, как что-то сместилось в моем восприятии.

Трусы я натягивал, повернувшись к Нателле спиной.

Я знал, что мой пенис зафиксирован в доброй сотне кадров. Но показывать его опять казалось невозможным.

Я просто стеснялся своего тела, уже не понимал, как пять минут назад вертелся так и сяк.

Нателла уловила мое состояние, ни о чем порнографическом больше не заговаривала, только еще раз сделала кофе, который мы выпили почти молча.

На прощанье она сказала, что ждет моего звонка относительно дальнейшего сотрудничества.

Решение оставалось за мной; я получил карт-бланш.

Уже следующим утром я постановил, что вчерашнее было не со мной.

Я не позвонил Нателле ни на неделе, ни потом.

Попытку следовало вычеркнуть из жизни.

Я ее и вычеркнул – тем более, что на работе сгущалось высокое напряжение.

Потеряв начальническую должность в обанкротившейся фирме, я устроился на аналогичное место в филиал крупной продуктовой сети.

Правда, взяли меня с испытательным сроком, его следовало провести на оборотах в «красной» зоне тахометра.

Так работать мне было не впервой; задача облегчилась тем, что мой предшественник развалил корпоративную сеть, довел ее состояние до критического. Контроля пользователей не было, менеджеры в магазинах проводили время за игрой в танки.

Я с дребезгом уволил системного администратора, представив начальству это как спасительный акт.

Затем я устроил конкурс среди старшекурсников авиационно-технического университета, нашел приемлемого, умного и дисциплинированного парня для администрирования сети.

Я велел установить программу для отслеживания активности и передавать дирекции сведения об играх, за которые сотрудников стали штрафовать.

В должности меня утвердили, сейчас направили на про-

фессиональный тренинг.

Мне много раз приходилось бывать на хепенингах такого рода; все они проходили по одному сценарию.

Какой-нибудь столичный хлыщ неделю напролет нес бред, надерганный из американских бизнес-технологий, непригодных для России.

В России вообще не работало ничего из разработанного в цивилизованных странах.

Здесьние люди всегда все делали наоборот.

Нечесанные первопроходцы «покоряли» холодную, разъеденную гнусом Сибирь, не догадавшись завоевать Турцию с теплыми морями.

Кровавый шизоид из дома Романовых построил столицу в самом гнилом углу Европы, где не селились даже чухонские дикари.

Потомки тех и других запускали в космос говорящих обезьян вместо того, чтобы на земле изобрести хотя бы робот-пылесос.

Список допускал продолжение; у русской дурости имелось начало, но не имелось конца.

Народ, по злой иронии судьбы считающийся «родным», я откровенно презирал, поскольку уважать его было не за что.

Слушать разглагольствования о том, как надо делать дела в стране, где знания подменяются идеологией, не имело смысла.

Подобные мероприятия я воспринимал как рабочий от-

пуск.

Моя нынешняя фирма была челябинской, но тренинг почему-то проходил в Екатеринбурге.

Вероятно, очередной москвич из «*тренерской*» компании отказался ехать в заштатный Челябинск, где даже шар в вокзальном фонтане на вокзале был не гранитным, а пластиковым.

В современных кругах центр уральской промышленности проходил под обидной кличкой «*Ёбург*»; ёбургом он и был.

Нас, собравшихся из нескольких регионов России, поселили в каком-то «*оздоровительном комплексе*» на улице Патриса Лумумбы. Там же шел и тренинг – с утра до вечера, с небольшими перерывами для еды.

Итогового контроля не предстояло, но требовалось абсолютное посещение, поэтому всю муть приходилось отсиживать с умным видом.

От гостиницы, расположившейся за объездной дорогой, до центра города было километров десять.

У себя дома я ездил на машине, общественным транспортом не пользовался, поскольку не выносил, когда кто-то оказывался ближе, чем в пяти метрах.

Здесь я оказался привязанным к месту.

Обстоятельства усугубились поселением.

Соседом по двухместному номеру у меня оказался добропорядочный гражданин из Чебоксар, который не пил, не курил, обладал нулевой эрудицией и не мог поговорить ни

о чем, кроме протоколов *ТСР/ПР*.

Вдобавок он оказался заядлым шахматистом и в первый же вечер требовал партию.

Я ответил, что в жизни есть всего три вещи, которых не выношу; к ним относились шахматы, карты и пьяные женщины.

Сосед обиделся и отстал.

Однако это мало чему помогло.

Вечерами напролет он лежал на кровати, играл и переговаривался по скайпу с каким-то таким же уродом.

Слушать щелканье клавиш и бормотание про «эф-два, же-пять», «ферзевой гамбит» и «защиту каракан» было невыносимо.

Вероятно, еще до конца тренинга я разбил бы соседу голову его же ноутбуком.

Ситуацию спас лесопарк, на краю которого притулилась эта сомнительная гостиница.

К удивлению, там было не так грязно, как на улицах.

Я бродил в одиночестве, любовался безмолвными ветренницами, слушал перестук веток, вдыхал весенние ароматы. Сквозь цветочные запахи пробивалась струйка грибов, но то была иллюзия: для них еще не настало время.

Параллельно с нашим тренингом, в соседнем конференц-зале, проходил региональный сэйлс-митинг какой-то фармацевтической компании.

По утрам в ресторане, где завтрак входил в стоимость про-

живания, перемешивались две разношерстные компании.

Среди нас, айтишников, преобладали мужчины; медицинские представители почти поголовно были женщинами.

Ирина – на вид моя ровесница – не выделялась чем-то особенным.

Но, тихо переговариваясь с коллегами за едой, она так стреляла глазами из-под узких очков, что не заметить ее было невозможно.

На третий день мы познакомились: я возвращался из леса, она курила у входа в гостиницу.

Я сразу почувствовал взаимное расположение. Дальнейшее было однозначным для взрослых людей.

Проклятый шахматист лежал на кровати, как приклеенный; жилых кварталов с квартирами на час в ближних пределах не имелось.

Сегодня – на четвертый день тренинга – Ирина подошла в обеденную паузу и сообщила, что ее соседки не будет до утра и мы сможем познакомиться поближе.

Я купил в ресторане бутылку коньяка на вынос, вечером пришел сюда.

Мы уединились, все шло по плану.

В самый последний момент Ирине захотелось покурить.

Я не возражал; каждый имел право на свои привычки.

Тем более, что появилась возможность заняться гигиеной; в своем номере соседство пешечника лишило меня удовольствия даже от этого приятного процесса.

Я мылся без спешки, но когда вышел из душа, ее еще не было.

Стояла тишина, еще более тихая из-за чьих-то отвратительно молодых голосов, булькающих в коридоре.

Под окном горели нервные оранжевые фонари, их свет отражался от потолка, дрожал в бутылке, стоящей на столике между кроватей.

Осень подступила всерьез; стемнело рано, ночь была прохладной.

В этом постоялом дворе халатов не выдавали. Я завернулся в простыню, потом накинул одеяло.

Некстати вспомнились теплая порностудия и ее хозяйка в красно-черной рубашке.

Я поежился, вытащил пробку, плеснул немного в стакан, выпил одним глотком.

Гостиничный коньяк был дрянным.

Ирина задерживалась.

Согреться никак не удавалось.

Вторая порция показалась уже не такой противной, как первая: видимо, дешевый алкоголь быстро сместил восприятие.

По столу запрыгал сонной лягушкой, потом заверещал мобильный телефон.

У меня на звонок был поставлен «*Призрак оперы*», тут раздался зашитый рингтон. Да и вообще, свой мобильный я оставил у себя, не желая ни с кем разговаривать.

Иринин, я, конечно, не собирался брать, но машинально взглянул на дисплей.

Там значилось имя «*Боря*».

Поскакав и поквакав, телефон угомонился.

Я налил себе еще.

Снова зазвенело; теперь звонил некий Коля.

Судя по всему, у Ирины имелся богатый спектр знакомств.

Она приехала из Саратова, но абоненты могли оказаться кем-то из малочисленных коллег по митингу.

Решив не мелочиться, я налил полный стакан и освоил одним махом.

Стало почти хорошо.

Ненужные воспоминания о Нателле ушли на третий план.

На второй отошла Ирина – которая, вероятно, была перехвачена Борями и Колями на междусобойное увеселение.

На первом осталась лишь темная, спокойная пустота.

В моем номере, вероятно, уже было приемлемо.

Черно-белый коногон – как и все чрезмерно порядочные люди – ложился с курами. В моем номере ждал покой.

Но вернуться туда я не мог.

Замки в чертовой гостинице были устроены так, что запертая снаружи, дверь не открывалась изнутри.

Сам я этого не проверял, однако слышал за обедом.

Вероятно задумка отсекала форточных воров, которые не смогли бы выйти в коридор с баулами и чемоданами.

Я оказался запертым тут невесть до какого времени.

Ждать Ирину для продолжения уже не осталось смысла.

Подумав, я опрокинул последнюю порцию коньяка и перебросил тяжелеющее тело на кровать.

Телефон оживал еще несколько раз, раскидывал себя недобрые отсветы.

Но это было уже во сне и меня не волновало.

3

– ...Пё-сик, пё-сик, бе-лый херик...

Я вздрогнул и открыл глаза.

Ирина сидела на краю кровати.

– Это... что? – спросил я, еле слыша свой голос.

– Это стихи. Только что сочинила.

– Так не в рифму же!

– Зато здорово.

Я все-таки попытался поймать губами коричневый Иринин сосок, показавшийся в вырезе ночной рубашки.

Она отпрянула, поднялась.

– Вова, не надо! Времени нет!

– Но...

– Потом, потом! Вставай давай! Вставай, иди к себе. Резеда вот-вот вернется.

– Какая, к черту, резеда? – возмутился я. – Все цветы давно завяли!

– Резеда – моя соседка из Казани. Иди, иди. Встретимся внизу на завтраке. Там и поговорим.

Ко мне вернулась чувство реальности.

Я вскочил, торопливо оделся и поспешил восвояси.

Перед грядущим днем следовало хотя бы побриться.

4

– Ты что, вернулась только сейчас?

Ресторан был полон утренним гомоном; мы сидели вдвоем за маленьким столиком в углу.

На нас никто не обращал внимания, здесь все оставались чужими друг другу.

Кофе был таким же отвратительным, как и коньяк – хотя, возможно, так лишь казалось.

– Нет, часа в три.

Ирина покачала головой.

Светлые волосы колыхнулись, очки блеснули без эмоций.

– Просто ты был пьяный, как пиписька. Спал на Резедушкиной кровати, бесконтактный, ничего не слышал.

– Ничего?

– Ничего. Не слышал, не видел, не реагировал. Хотя я включала свет, уходила и возвращалась.

– А где ты была? – поинтересовался я.

Оправдываться в своем «бесконтактном» состоянии я не собирался.

Не моя вина была в том, что пять минут затянулись на несколько часов.

– Ты не поверишь, я не могла попасть в номер!

– Почему не поверю, – я пожал. – Я вон выйти отсюда не мог. Эта гостиница – какой-то город Зеро.

Голова, еще несколько минут назад свежая от прохладного душа, снова начала наливаться свинцом.

Разумнее всего было выпить граммов сто пятьдесят водки – из-под полы по раннему часу.

Но полубритый московский кретин ходил по рядам, мог учуять запах, а я не хотел скандала.

– Представь себе, Вова, пошла покурить, никого не трогала, даже отошла от крыльца. С собой ничего не взяла, ни сумочки, ни пакета. Сигарета и зажигалка в кулаке. Прокси-карту сунула в манжету джемпера, думала, никуда не денется.

– Надо было в трусики спрятать, – вставил я, уже догадываясь, к чему идет рассказ.

– Дура, не подумала... Ну, в общем, покурила, полюбовалась на звезды. Медведицы, кстати, были хорошо видны. Взглянула на себя в стеклянную стену. Вижу – растрепалась. Подняла руку поправить волосы, карта и выскользнула...

– Эдвард Мерфи почил, но его законы действуют даже в Ёбурге.

– ...А там как раз был люк – ну, ливневой сток, такой длинный, вдоль фасада. Она упала в решетку, и все. Конец котенку.

– Тяжелый случай, – согласился я. – Но почему ты не пошла на ресепшн? За карту, конечно, выписали бы штраф, но открыли универсальной, а тебе запрограммировали новую.

– Ты понимаешь, там произошел пересменок. Я выходила – одна портье сидит, заглянула – уже другая. А я без ничего. Фэйс-контроля в таких шарашках нет. Поди докажи, что постоялица, а не проститутка.

– На проститутку ты не похожа, – возразил я.

– Это как сказать... Ну, в общем, я понимаю, можно было настоять на своем, прийти с ней к себе, показать паспорт. Но ты представляешь, что бы было: портье отпирает дверь, а в номере, где прописаны две женщины – голый мужик.

– Я был не голый, в одеяле. Но ты права: эта дрянная гостиница целомудренна, как «*Пионерская зорька*». Даже по ночам не предлагают проституток, ситуация была бы патовая.

– Именно что патовая. Мальчиков тоже не подгоняют, это тебе не Москва, – согласилась Ирина. – Была бы бомба, брошенная в курятник. Все бы всплыло и поплыло дальше. А в нашей компании такие порядки... Год бы полоскали мое имя, типа я сэйлс-митинг превратила в блядки.

– Верю, – согласился я. – Мне-то как мужчине по барабану, а тебе как женщине неприятности.

– Правильно понимаешь.

– А что тут понимать? Россия – царство ханжей с однобокой моралью. Если гуляет мужчина, он – мачо. А если женщина – она блядь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.